

Ночь 1. Никтофобия — боязнь темноты

Ночь становится темнее,

Тают контуры лица...

Воображению виднее —

Нет у ужасов конца...

Шипящий шёпот разбудил ребёнка, девочку лет девяти, посреди ночи. Голос неприятный, скрипучий, как старые заржавевшие петли. Вспоминается момент, когда открывают дверь на заброшенной склад в школе, чтобы забрать старые доски. Хотя нет, это не то, это вызывает беспокойство, гнетущее ощущение. Голос становится то тише, то громче, словно, поющий ходит мимо двери в комнату.

Ночь становится темнее,

Что-то капает во тьме,

Воображению виднее,

Что же тянется к тебе...

— Скра-а-аб... — что-то протяжно скребло поверхность двери. Девочка вздрогнула, прижимая к подбородку край одеяла: кожа её мгновенно покрылась мурашками и дёрнулось левое плечо. — Ска-а-аб...

Ночь становится темнее,

Не кричи, и не стучи,

Шагай во тьму смелее,

Ты уже у тьмы внутри...

— Тук-тук, тук-тук-тук... — оглушительный стук во входную дверь, прервал жуткое пение. Непонятный скрип (возможно, это был пол) и наступившая тишина практически развеяли страхи ребёнка.

— Мне показалось. Такое бывает, когда спишь по три часа в сутки, страдая бессонницей: это называется галлюцинацией. Да, это они, точно, — шепча себе под нос, девочка свесила ноги с кровати, а затем, нащупав пушистые тапочки, встала, ёжась от холода. В одеяле ей явно было намного комфортнее, но халат из плюша быстро вернул потерянное тепло. Зевнув в кулак, малышка подошла к двери: ей захотелось пить, а для этого нужно пойти на кухню.

— Кляц... кляц... — выключатель полностью проигнорировал её действия. Жёлтый всполох света едва зажгётся под потолком и лениво погас.

— Странно, лампа на столе горит, а выключатель не работает, — ребёнок смотрит на стол в другой части комнаты. — Может она на аккумуляторе и опять вырубил свет?..

— Кляц... кляц... — как и следовало ожидать, не работает, повтор действий ничего не изменил.

— Придётся топтать на ощупь, я проснулась, так что проблем с натеканием на мебель быть не должно. По крайней мере, серьёзных... — надавив на ручку, она открыла дверь, внутрь комнаты.

— Шарк-шарк... — сделав несколько шагов вперёд, девочка упёрлась носками светлых тапок в лакированную поверхность шкафа. От него она сделала пару шагов влево, до порога, — шарк-шарк... — вот она, стеклянная дверь, как раз ведущая на кухню.

— Скри-и-ип... — скрип прозвучал устрашающе, — кап-кап... кап-кап... кап-кап...

— Ясно, мама опять не закрыла кран. Плохо, либо забыла, либо опять плюнула на мои слова. В последнее время она часто так делает, — закончив шёпотом причитать, ребёнок нащупал кран и открыл его на ощупь. Вкус у воды оказался странным, каким-то металлическим. — Наверно, опять где-то повредили трубы, а мне хлебай ржавчину и хлорку, — очередной недовольный шёпот, растаявший в тишине.

— Скри-и-ип... — сквозняк неприятно скользнул по обнажённой коже, вызвав очередную порцию мурашек.

— Значит, и окно в своей комнате тоже оставила открытым, теперь сквозняк гуляет по всему дому. Сама-то спит, а мне наслаждайся освежающей осенней прохладой, — поёжившись от холода, малышка затянула поясик на халате потуже и натянула на голову капюшон.

— Скри-и-ип... — в очередной раз осуждающе скрипнула кухонная дверь. Закрыв кран, девочка посмотрела во тьму коридора, жалея о недавнем отказе от покупки личного фонарика. Шарашиться в темноте — она считала весьма сомнительным удовольствием. Но выбора-то нет, из-за скрипа невозможно спать.

— Шарк... — всего двадцать пять «шарк» до окна, которое нужно закрыть. Сглотнув от

нервозности, ребёнок повёл плечами:

— Всё в порядке, окно само себя не закроет. Идём... — прошептала себе под нос, в попытке подбодрить. К слову, попытка провалилась, её сердце бьётся рвано, ударно планируя покинуть грудную клетку. Прикусив плюш халата, она шагнула в комнату: ветер поднимает тюль до самого потолка, за самым окном царит непроницаемая темень. Хотя в прогнозе обещали ясную ночь.

— Угу, а мама, наверно, опять заперлась в ванной... — закрыв окно, малышка медленно шаркает в сторону своей комнаты, — не буду проверять, а то опять орать будет... — снова пробубнила себе под нос.

— Бам-бам... — снова стук во входную дверь, — хря-ясь... — разбилось что-то стеклянное. Ребёнок сразу подумал про цветочную вазу, которую недавно купила мама. Цветов в ней отродясь не было, зато был жуткий узор в виде каких-то смазанных людских силуэтов, намазюканных криворуким художником. Особенно жутко это смотрелось ранним утром или поздним вечером, когда тусклые лучи криво падали на её поверхность.

Освещение на несколько мгновений загорелось во всём доме, когда девочка успела дойти до двери в свою комнату. Он-то и осветил лежащую на кухонном столе темноволосую женщину, её мать. И ещё трёх мужчин, двое из которых держат её: один за голову, другой телом прижимает к столешнице. Возможно, не просто прижимает. Третий, светловолосый тип, хмурится, опираясь на дверной косяк, глядя в пол. Постепенно его взгляд скользит по нему, пока не останавливается на чем-то за спиной девочки. Та начинает медленно поворачивать голову, боясь увидеть там кого-то ещё.

Не успела, погас свет. Буквально прыжками, дважды наступая ногой на ногу, она забежала в свою комнату, хватая с кровати одеяло и запрыгивая с ногами на стол, где стояла лампа.

— Ты же понимаешь, что это не поможет... — скрипучий женский голос показался ей смутно знакомым. А в следующий момент она открыла глаза, сидя за партой в школе, оказавшись в прошлом. Впереди слева за первыми партами сидят модные одноклассницы, рядом сидит Юлек:

— Ты разве жив? — спрашивает она друга, разбившегося в аварии год тому назад.

— А я должен быть жив?.. — грустная улыбка появляется на его лице, и зрение охватывает тьма. Она вновь сидит на своей кровати и резко садится. Дежавю:

— Тук-тук... — вздрагивает, услышав удары в дверь, — скра-а-б... скра-а-аб... — волосы на её затылке зашевелились. Свет лампы начал медленно гаснуть, клацанье выключателем тоже не добавило света. Он так и не работает.

— Скри-и-ип... — послышалось откуда-то с боку, и на неё прыгнула тень. Но, что происходило

дальше, она не видит, её часть, словно, кто-то оттащил в коридор, прикрыв ладонью глаза, говоря всё тем же скрипучим голосом:

— Тебе лучше этого не видеть... — из комнаты слышались хруст и чавканье. Любому станет не по себе, если слышишь со стороны, как тебя... едят.

***

За дверью не темнота,

За дверью находится ничто...

Печальна пустота,

Если давно не ждёт никто...

— Шкря-а-аб... шкря-а-аб... шкря-а-аб...

За дверью не темнота,

За дверью зверь тебя ждёт,

Сумасшедшая красота,

Если сумасшедший ты идиот!..

— Ха-ха-ха!.. ХА-ХА-ХА!!! — под холодящий кровь скрипучий смех она вновь оказывается на кровати. И, не теряя времени, спрыгивает на пол:

— К чёрту водичку... — прихватывает лампу со стола и сдёргивает ковёр в сторону. — Раз этот кошмар меня не отпускает, значит, здесь могут сработать дурацкие правила, и вполне можно голыми руками разобрать паркетный пол, — оглянувшись на едва державшуюся на петлях дверь, девочка прыгает в темноту. Последним, что успевает увидеть, была открывшаяся дверь, впустившая в комнату пошатывающуюся мать:

За дверью не темнота —

Объятья кошмара крепки...

Ты здесь не спроста,

Ты просто попала в силки...

Кажется, у неё была сломана шея, уж слишком сильно была наклонена голова. А последнее, что она слышит:

— Ха-ха-ха-ха-ха.. — но губы её не двигались, словно, смеялся кто-то ещё.

Ночь 2. Фобобия — страх страха

— Кап-кап... — и... — блядь, что это?!. — было первым, что она услышала после падения, кстати, на нечто мягкое. Наверно, это самое гмм «мягкое» и заорало. Случись такое с ней, она бы тоже заорала, при этом ещё громче.

— Это всего лишь я... — ребёнок с криком переползает в положение типичного гопника, нащупывая рукой на полу нечто вязкое. Откровенно говоря, совсем-совсем не желая знать, что это.

— Я?! — вопль стал ещё громче.

— Заткнись, это всего лишь девочка, — её под мышки подняли в воздух на уровень глаза... знакомых стальных глаз, — ты?!

Молча кивает, резко утратив желание говорить. Они недавно виделись, правда в ином месте.

— «Глоссофобия, моя грёбанная глоссофобия, а тут ещё и несколько незнакомых людей...»

Но её «развесёлые» мысли прервал скрипучий женский голос:

— Ах-ха-ха-ха... ХА-ХА-ХА... ха-ха-ха-ха...

Дороги не найти,

Нет ручки у две-е-ери,

Вам отсюда не уйти:

Раз, два, три-и-и-и...

— Ну, и крипота... — философски бурчит малявка под нос, но сероглазый прекрасно её слышит, осматривая сверху вниз.

— Ты тоже это слышишь?

— Да.

— А не должна... — пауза, — или...

— Ба-дамс... — что-то падает вниз с непонятной стороны, разбрызгивая жидкость с пола: на лице светловолосого оседают капли крови. От неожиданности его руки сжались на многострадальных рёбрах девчужки, но практически сразу отпустили вниз её тушку.

— Мы делимся! — уверенно завопил истерло. Так прозвала его девочка, уж шибко часто орал этот парень.

— Да, ну нахрен! — таки плюёт её психика на логофобию, переходя совсем на недетскую ругань. — Тебе надо, ты и делись на две части!

Их попытку выяснить отношения прервали звон цепи и продолжение пения:

Раз, два, три,

Раз, два, три,

Мы посмотрим, что внутри...

РАЗОРВИ... РАЗОРВИ!..

— Шурх... шурх... шурх... шурх... — цепи юрко, как змеи, обвилились вокруг их ног, но сероглазый в последний момент успевает закинуть тушку малявки себе на плечо и отпрыгнуть в сторону. Это был тот случай, когда она обрадовалась, что весит, как суповой набор.

— Аааа! — послышался «восторг» из темноты от двоих утащенных.

— «Как же я их понимаю, но помочь пока ничем не могу, да и не особо жажду. Своя жопа ближе телу», — подумала про себя девочка, напряжённо прислушиваясь.

— Цзынь... цзынь... цзынь... — вновь зазвенели цепи.

— Кажется, нам надо валить отсюда, например, к тому проходу, откуда вылетела дверь, — она ткнула в стену напротив, откуда был виден свет.

— Твою ж мать!.. — это прозвучало от сероглазки, когда он едва увернулся от очередной цепи, но не от поднятых брызг попавших в этот раз в глаза. Краем зрения девочка уловила какое-то подозрительное движение:

— «Это по нашу душу, и это явно не баба Дуся с семечками у подъезда. И какая хрень только в голову не лезет, лишь бы кукухой не ехать...»

— Шлёп-шлёп... — слышалось за их спиной, кто-то пробежал совсем рядом, едва не обдав очередной порцией крови. — Ха-ха-ха!

— Ненавижу детишек, — шипит малявка сквозь зубы, крадясь вдоль стены, покрытой в лучшем случае кровью. — Бр-р-р... дрянь какая... — случайно заляпывается рукой по локоть в эту субстанцию и едва сдерживает очередную порцию матов. От непередаваемых ощущений к её горлу подкатила тошнота, то ещё удовольствие.

— Ты же сама ребёнок, — прошептал с долей иронии практически на ухо девчужке спутник по несчастью, двигаясь шаг в шаг за ней.

— «Нашёл же время для побазарить. Хотя, возможно, он просто меня отвлекает от моих страхов. Вон как уверенно ползу по какому-то говну...» — вела она мысленный монолог, продолжая двигаться. — Не путай детей и пиздец на ножках... — она осторожно открывает поржавевшую дверь в следующее помещение, — бегающее здесь дитё — именно пиздец.

— С этим не поспоришь... — пауза, — мелочь.

— Блонди или сероглазка, выбирай, — отмахнулась от парня девочка, осматриваясь. Ей в любом случае не до его придури.

— Идёт... — сероглазка издал беззвучный смешок, — мелочь.

Познакомившись, они перемещались некоторое время молча под аккомпанементы душераздирающих криков и стонов. По причине их наличия на разговоры и не тянуло:

— Аааа! — слышалось за только что закрывшейся дверью. Переглянувшись, они нырнули за ближайший стол, чтобы спрятаться. — До-о-оча, ты где-е-есть?.. — рядом с их укрытием остановились босые женские ноги с бледно-синей кожей, покрытой алыми разводами. Мелочь закрыла себе рот обеими ладонками, чтобы не заорать от ужаса. Сероглазка вовсе задержал дыхание за её спиной, боясь шелохнуться лишний раз. — Иди к мамочке!.. — на пол упала полуразложившаяся голова и завопила:

— Аха-ха-ха! — тут же глаза малявки закрыли мужские ладони, скрывая происходящий кошмар.

— «Вдох-выдох, спокойно. Пока живём...» — когда сероглазка убрал руки, она осмотрела голову повторно: из хорошего — она больше не двигалась, из плохого — это всё ещё часть чьего-то тела.

— Бум... шмяк... — голова после удара ноги парня впечатывается в противоположную стену. — Как же они любят все эти шутки с кровью и тоннами мяса...

— А твои спутники... — девушка оглянулась на дверь, за которой остались двое его товарищей.

— Живы, но, скорее всего, это попытка провальна...

— Попытка? — она резко оборачивается в его сторону, напряжённо поджимая дрожащие губы: сердце опять застряло где-то в районе пяток. А это не к добру, как и всё происходящее здесь в принципе.

— Да, — пауза, — давай пока осмотрим комнату в поиске чего-нибудь полезного.

— То есть, если помру, у меня есть шанс вернуться сюда ещё раз? — открыв ящик стола, мелочь с омерзением достала из мёртвой человеческой руки какой-то ключ. Как это сюда попало и кому принадлежало раньше, девочка предпочла не размышлять, себе дороже.

— «Есть ресурс, не морщи рожу, и радуйся, что хоть что-то нашлось...» — решила она позитивно, рассматривая весьма знакомый ключ. Но что он открывает, сходу вспомнить не смогла.

— Шанс есть... — кивнул ей парень, продолжая осматривать шкаф.

— «И что там может быть интересного? Документы? Кроме кипы бумаг, мне отсюда ничего не видать...» — мелочь наблюдала за сероглазкой из другой части комнаты.

— Знаешь, один раз сегодня меня уже сожрали... — задумчиво, сказала она, осматривая грязные стены в серых и жёлтых ржавых потёках и паршивое периодически мигающее освещение, — или не здесь, или не сегодня, но сожрали точно.

— Выходит паршивый у тебя денёк, — сероглазка подмигнул ей, ободряюще улыбаясь. — Куда идём?

— Тебе туда... — мелочь уверенно тыкает пальцем в едва заметную дверь за шкафом. Что за ней, она не знала, но видела её отчётливо.

— Идём вместе? — сероглазка отодвинул плечом шкаф, чтобы пройти, благо тот оказался полупустым.

— Не знаю, — девочка пожимает плечами, прислушиваясь, — выясню опытным путём. Сам же намекнул, что в этот раз живыми нам не уйти. — «Подозрительно, что после такого пиздеца, вдруг наступило затишье. Думаю, насчёт попытки он прав, нам недолго осталось...»

— Кап-кап... — в воздухе разлился металлический запах, с потолка начали падать чёрные капли. — Кап-кап...

— «Надо поскорее отсюда уходить», — подумала мелочь, но вслух сказала совершенно иное. — А зачем вам нужна была моя мама?

— Мы думали, что она одарённая... — пауза, — видящая и поможет нам покинуть это место, — парень дёрнул левым плечом, когда очередная капля впиталась в светлую ткань ветровки, — но ошиблись. Она оказалась одной из них...

— Понимаю...

А что тут ещё скажешь, если ни хрена не понятно, но тупые вопросы в общем-то и задавать некогда? Когда сероглазка открыл дверь и зашёл в следующую комнату, дрожь сотрясла пол и заклинила дверь за его спиной, часть пола в середине комнаты обвалилась.

— Вот и поделились... — голова начинает катиться в сторону девчухи, клацая зубами, — блядь, а это тут откуда?!

— Привет, доча! Тебе тут нравится? — женский голос за её спиной прозвучал приглушённо. — Нравится??? — громче слева. — ПРАВИТСЯ?! — оглушительно справа.

— Да ну нахер такие аттракционы... — под ноги мелочи подкатывается скалящаяся в зубастой оскале глубоководной рыбы голова (и к чёрту человеческую анатомию), — мать, а где тут выход? — нервно спрашивает, силясь потянуть время.

— Аха-ха-ха-ха!.. — этот вопль совпал с криком за дверью.

— Кажется, сероглазке не повезло. Но попытаться-то стоило... — девочка медленно отползает на попе в сторону от головы. Повторять стезю Эша из «Зловещих» ей как-то совсем не захотелось. Трижды это не материальный кошмар. Неожиданно на её плечи легли ледяные бледные руки. От неожиданности под дикий хохот, поскальзываясь на появившейся крови, она упала вниз:

— «Девиз этой ночи: я — неудачница высшей лиги!» — промелькнула не особо позитивная мысль в её голове.

— Хрусь... кхр... — слышалось после удара её тела об раскалывающийся кафель на полу этажом ниже.

— «Кажется, это была моя шея...» — лениво заметил умирающий мозг, пока сознание погружалось во тьму.

Раз, два, три, четыре —

Когтями рвём мы вашу плоть...

Раз, два, три, четыре —

Колоть... молоть... КОЛОТЬ... МОЛОТЬ...

Ночь 3. Педиофобия — боязнь кукол

Шесть попыток проклятой дано:

Сойти сума, прозреть и умереть.

Строки сие написаны давно:

Стоит их принять или же стереть?..

До этого момента она не задумывалась, какой у её матери отвратительный голос. А уж при пении особенно мерзкий. Кажется, раньше эту песню пел кто-то другой? Искренне обрадовало мелочь одно, что сероглазка не ошибся, она вновь очнулась на своей кровати, в своей комнате. Но двигаться не торопилась, потому что...

— Скры-а-аб... скры-а-аб... — вот собственно поэтому, ведь в этот раз кто-то ломится через окно, — скры-а-аб... — протяжно поскребите иголкой стекло и получите весьма схожий звук.

— Бум-бум, бум-бум... — теперь пробуют просто кулаками проломить стекло. Или скорее лапами? Граблями? — Ах-хрр... — да, стекло ломаться не спешит, что весьма печально для неучтённого визитёра.

— Бамс!.. — дверь резко распахивается, ударяясь об стену, в глаза девчухи бьёт яркий свет от фонариков. — Так, кажется, наконец, это она... — прикрыв глаза от яркого света, она щурится. — Мелочь, это я — сероглазка блондинчатая!..

— А что, значит, наконец? — спрашивает она парней, отодвигая одеяло с ног. В банальное везение ей уже совсем не верилось.

— Только то, что нам шесть раз чуть не выцарапали глаза... — ответил за всех троих молчун,

внимательно осматривая окно. Или скорее тихоня? Что больше ему подходит?

— Грр... — одеяло резко начинает ползти под кровать, а синеватые когтистые лапы тянуться к её ногам, — сюда-а-а... сюда-а-а... иди-и-и сюда-а-а... — без единого вопля мелочь сиганула с кровати на руки сероглазки, а потом инстинктно выскочила в коридор вместе с его фонариком под громкий хохот подкроватного нечто. Фонарик, оставшийся в руках троицы, почему-то мгновенно гаснет, и из темноты на неё смотрят три пары глаз, светящихся ядовито-зелёным светом. Когда костистая рука со свисающими лоскутами кожи лже-сероглазки потянулась к ней, дверь в комнату с протяжным скрипом закрылась и щёлкнул замок.

— Шкря-а-аб... — слышался уже привычный звук повреждения древесины когтями. Ей же под ноги подкатился второй фонарик, при проверке оказавшийся рабочим. При дополнительном освещении на внешней стороне двери нашлись несколько полос от когтей. А ночь-то становится томной, и всё, что происходит, оставляет свой след.

— Мелочь, открой дверь... — шкрябанье прекратилось, голос подраженца звучит с порыванием, — выпусти меня. Это же я-я-я... Я! «Бамс!»... — на дверь обрушилась серия ударов, — я-я-я... «бамс» хочу освободиться!.. Аааа... — крик этого существа явно поспособствовал разбиванию стекла. Окно, наконец, теперь открыто.

— Вот поэтому нельзя использовать настоящие имена, — мелочь опять подняли за подмышки и поставили на ноги, — живая? — парень внимательно присмотрелся к её глазам. Точно ли она?

— Можно и так сказать... — девочка недоверчиво смотрит на нового сероглазку, на дверь, снова на него, снова на дверь. А вдруг опять какая хрень, а не он?!

— Да, я не тот, кого ты ожидаешь увидеть, как и ты не та, кого хотел бы увидеть я, — он похлопал её по плечу, — однако все мы хотим покинуть это место.

— Пожалуй... — малявка оглядывает остальных парней, — а остальные истерло и тихоня?

— Да, как ты... — тихоня просто кашлянул в ответ на её слова, истерло же и есть истерло.

— Кстати, нам подходит, — наконец, заговорил тихоня, кладя руку ей на голову, делясь спокойствием. Наверно, он — самый уравновешенный из этой троицы.

— Скря-а-аб... — снова слышалось за спиной, заставляя волосы на затылке присутствующих шевелиться. — Скря-а-аб...

— Настоячивые, — истерло успокоился также быстро, как и взбесился, — мне здесь не по себе. Может пойдём?.. — и почему-то посмотрел на мелочь.

— А я тут чём? — девчушка переводит взгляд на сероглазку, мол поясняй.

— Ты — наш проводник, ты дала нам имена в этом месте, этим же ты дала нам шанс выбраться отсюда живыми. За что тебе отдельное спасибо, — парень едва заметно улыбнулся. Что это за место? И как их только сюда занесло? А её как?

— А можно ваши спасибо получить тортиками? — стараясь не кривиться от очередной попытки ТЕХ открыть дверь, малышка попробовала пошутить: то ли они тупые, то ли она чего-то не понимаю. Но, присмотревшись, девчушка заметила, что ручка исчезла. В отдалении послышался скрипучий женский смех, но в этот раз он не напугал, а успокоил.

— Конечно, когда выберемся, — сероглазка усмехнулся, но в его взгляде за тонкими линзами очков уверенности не было ни на грош.

— Понятно, не дожусь я тортиков, — мелочь повертела в руках фонарики, — кому надо? — подняла руку со вторым фонариком.

— Давай мне, — тихоня осторожно взял из её рук фонарик и пару раз клацнул кнопкой включения, — надо же работает. А наши сразу сломались. Спасибо.

— Может, это потому что я у НИХ забрала... — девочка наградила недобрым взглядом дверь после очередного «шкря-а-аб...» и «гррр-р-р...»

— Забрала? — сероглазка собственноручно проверил первый фонарик. В ответ малышка пожала плечами, страх — штука, приводящая к непредсказуемым последствиям.

— И долго мы безболезненно можем базарить? — сварливо поинтересовалась она, как «шкряб» дополнило:

— Кап-кап... кап-кап... — вновь потёк кран на кухне. Парни медленно направили фонарики в ту сторону и начали медленно отступать к выходу из дома (да, она была именно на кухне). — Кап-кап-кап... кап-кап-кап... — и удары в дверь стали сильнее, а капли оказались алыми.

— До десяти «кап» мы можем здесь находиться, — тихоня перевёл свет фонаря на дверь в комнату, — а потом нам лучше здесь не быть...

— Кап-кап-кап-кап-кап... — алые капли всё и быстрее срывались вниз, исчезая внутри раковины, — кап-кап-кап-кап-кап-кап...

— Уходим!.. — истерло пинком открыл дверь, ведущую в темноту. Тихоня с фонариком шагнул первым, сам истерло пошёл за ним, остальные пошли последними.

— Кап-кап-кап... Скри-и-ип... Кап-кап-кап-кап-кап... Хлоп!.. — дверь за их спиной резко захлопнулась. Фонарик осветил гладкую стену на её месте. Назад дороги больше нет. Впереди же нашлись две абсолютно одинаковые двери:

— Мы попарно разделимся: вы идите направо, мы — налево, — не уверенно предложил светловолосый. Но смазанная тень в следующее мгновение толкнула мелочь в левую дверь вместе с фонариком. Хорошо, хоть не с рукой самого сероглазки, его державшей.

— МЕЛОЧЬ!!! — крики парней остались за дверью. Падая, девочка ушибла колени и локти. Однако с необходимостью поиска другого пути смирилась сразу. Но следующее помещение оказалось не только необъятным, но и полностью уставленным манекенами и куклами. Только бы они не...

— Шурх!.. — головы манекенов резко повернулись в её сторону. В ответ зубы девчужки в испуге клацнули.

— Блядь... — мелочь вцепилась в фонарик покрепче, — без него помру, как минимум, от сердечного приступа. А жить, несмотря на происходящий пиздец, хочется.

Каждый её шаг сопровождал резкий поворот голов. И вот когда впереди под очередное «шурх» показался дверной проём, меня что-то дёрнуло её за ногу:

— МАМА!.. — отпрыгнув от куклы, тянущей к ней руки, девчужка замерла на одной ноге. — Да, какого хр...

— МАМА!!! — сверху падает очередная кукла, которую она отрывает от себя вместе с клоками волос, в которые та вцепилась. Тот момент, когда мелочь пожалела, что не лысая!

— МАМА... МАМА... МАМА... МАМА... — послышалось со всех сторон под шорох передвигающихся в её сторону игрушек. Отступая к дверному проёму спиной, девочка пинками отшвыривает самых резвых нападавших. Ещё шаг:

— Хлоп... — дверь за её спиной захлопывается, но одна кукла успевает пролезть.

— Н-ненавижу!!! — прижав руки к лицу вместе с фонариком, она топчет остатки пластмассы.

— Тихо-тихо... — одна из зеленоглазых тварей появилась из темноты и потянула к ней когтистые лапы, явно готовясь напасть. Мелочь в ответ срывается на бег, надеясь, что успеет вернуться. Где же очередная дверь?

— Аааа... — явно расстроенная тварь продолжила завывать за закрывшейся дверью, — аааа...

— Хлюп... — под ногами вновь появилась алая жижа. Драсти, давно этой части антуража не было. Просторное помещения сменил ужасно длинный узким коридором:

— «... пятьдесят... пятьдесят один...» — очередное «хлюп» под ногами, — «... сто пятьдесят...»

— и дальше в том же духе на энное количество времени. И вот практически носом упёрлась в дверь с потёкшей чёрной буквой «Ж». Это, значит, женский туалет или то, что там царит жопа? За единственной целой дверцей на толчке обнаружился сероглазка, нервно покуривающий сигарету. Идиллия, мать вашу. Но, справляясь с неудавшимся сердечным приступом, девчушка его чуть фонариком не огрела, но обошлось, что к лучшему.

— Нервишки шалят? — спрашивает его, в изнеможении садясь прямо на грязный кафель:

— Есть немного... — кинув окурок прямо на пол и заметив, как дрожат её руки, он тихо спросил, — ты ещё и туалетов боишься?

— Какое самое страшное место после просмотра ужастика? — нервно криво заулыбалась девочка, принимаясь. Либо в этом месте совсем нет запахов, либо парень курит какую-то дурь.

— Гмм... в этом что-то есть, но твоя мать явно какая-то конченная... мы тут наткнулись на неё... снова... — он ещё не представляет насколько. — Идём... парни нас ждут в другом месте, — вставая, подаёт ей руку, помогая встать. Следующий ступор у ребёнка наступил спустя метров двадцать — лестница, теряющуюся пролётами где-то вверху в темноте. Интересно, на какой ступеньке они сломают себе шею?..

— Что такое?.. — встряхнув за плечи, парень привёл её в чувство. В отражении его глаз она разглядела свою бледную рожицу. Какое жалкое зрелище.

— Я лестниц боюсь... — пробурчала она едва слышно, вздыхая и стараясь успокоить дыхание и подавить панику. Какой изверг собрал здесь всё, чего она панически боится?

— Держись за мою руку... — мелочь цепко вцепляется в его локоть, возможно, даже до боли, но никто из них не обращает на это внимание, делая шаг на первую ступеньку. Ноги девчушки дрожат на каждой. И вот стоило ей взять себя в руки на очередном пролёте, как ступеньки резко обвалились, оставляя вместо себя зияющую пустоту. И они, начали падать вниз.

<http://tl.rulate.ru/book/43674/1005981>